

пущена в следующей работе: *Нефедов С. А.* Новая интерпретация истории Киевской Руси. URL: <http://hist1.narod.ru/Science/Russia/Kiev1.htm>.

⁴⁸ Что стоит хотя бы тот факт, что в сообщении Лаврентьевской летописи о раздаче Ярославом трети собранной им дани на Новгородчине стоит слово «гридемь», а в аналогичном рассказе Ипатьевской летописи вместо него присутствует термин «тривень» (ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 2. С. 81).

⁴⁹ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 338.

⁵⁰ См.: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 255; ср.: *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 47; *Он же.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 9.

⁵¹ См.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 64.

⁵² *Франклин С., Шенпард Д.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000. С. 288.

⁵³ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 188 и след.

⁵⁴ Активное участие «воев» в междоусобицах того времени (*Фроянов И. Я.* Киевская Русь... С. 190–192) могло диктоваться в стремлении «людей» определенных волостей компенсировать упадок своих мелких хозяйств установлением гегемонии «своего» князя над другими волостями и землями.

⁵⁵ *Свердлов М. Б.* Общественный строй славян в VI – начале VII века // Советское славяноведение. 1977. № 3. С. 54, 57–58; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 186–188.

Н. И. Девятайкина

**РАННИЙ ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕНЕССАНС КАК СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ
В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ДВОРЯНСТВУ
(ПО ТРАКТАТУ ПЕТРАРКИ
«О СРЕДСТВАХ ПРОТИВ ПРЕВРАТНОСТЕЙ СУДЬБЫ»)**

Проблема переходности эпох ныне входит в число наиболее актуальных как по общественно-политическим, так и по научным причинам. Историки обращаются к разным ее аспектам, о чем свидетельствуют публикации последних лет¹. Ренессанс в рамках этого проблемного поля остается одной из культурных эпох, в трактовке которой понятие «переходность» применяется исследователями в разных смыслах: одни авторы (культурологи, философы) полагают, что вся культура Возрождения остается переходной от средневековой к современной; другие (историки, историки литературы), что переходным можно считать первый этап развития культуры – ранний итальянский Ренессанс, в котором старое соседствует с новым в текстах и мировоззрении. В данной статье ориентиром является подобный подход.

Актуальность поставленного в статье вопроса состоит в том, что конкретный материал, связанный с характеристиками переходности, далеко не полностью изучен даже в отношении таких фигур первого ряда как Петрарка, Боккаччо, Салютати, творчество которых в целом и дало возможность отсчитывать новую культуру с середины XIV в. Если конкретизировать, то ныне все больше авторов связывают «начало новой ренессансной эры» с именем и трудами Петрарки (1304–1374). Но при этом меньше всего внимания пока уделяют социально-ментальным ориентирам ренессансных интеллектуалов, и первый ренессансный гуманист не является исключением.

Под менталитетом в данной статье будет пониматься «исторически сложившееся долговременное умонастроение, единство сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в разных воплощениях – познавательном, эмоциональном, поведенческом» (В. Е. Семенов), а также, добавим, творческом, поскольку в нашем случае речь идет о творческой личности.

В изучении общественной позиции Петрарки, его социальных воззрений и политических ориентиров больше всего сделано, насколько можно судить, в современной литературе Е. Х. Уилкинсом и У. Дотти, но в интересующем нас ракурсе труды Петрарки ими не рассматривались². Традиционно эти вопросы присутствуют в общих трудах российских историков-ренессансистов (М. С. Корелин, А. К. Дживелегов, М. А. Гуковский, Л. М. Брагина, Н. В. Ревякина, Н. И. Девятайкина и др.) Что касается темы формирования в Петрарке интеллектуала новой эпохи, то она становится все более популярной³.

Главным произведением, которое будет рассматриваться в данной статье, стал трактат Петрарки «О средствах против превратностей судьбы» (*De remediis utriusque fortunae*). Написанный в зрелые годы (1354–1366) в виде 254-х диалогов на самые разные темы, он содержит очень много материалов по социальным и гендерным вопросам, а также ценностным ориентирам автора, равно как и общества его времени⁴. Трактат позволяет поэтому поставить вопрос о старом и новом в мировосприятии Петрарки, о его противоречивости, которую тоже можно рассматривать в качестве одного из главных знаков переходности. Попытаемся выявить, как Петрарка трактует роль дворянства, той группы общества его времени, которая претендовала на особое положение, исключительные привилегии, только ей свойственные модели жизни, была олицетворением средневековой эпохи. Старое и новое ярко проявляется также из анализа «темы женщины».

Отметим сразу же, что с темой знати и дворянства связан каждый восьмой-девятый диалог трактата, что показывает ее актуальность, значимость для Петрарки и его эпохи, а исследователю дает в руки добротный материал, позволяющий понять ментальные ориентиры⁵. Объем ста-

тьи позволяет лишь конспективно наметить контуры обозначенный проблематики.

Больше десяти диалогов первой книги (48–49, 97–98, 102 и др.) посвящены очень неожиданной для XIV в. и эпохи Столетней войны (1337–1453) теме – утрате социальной престижности военных занятий рыцарства. Они называются фарсом, затянувшимися детскими играми, кровавым ремеслом. Мирные занятия объявляются гораздо более престижными, чем военные, мир – чем война. Гуманист осуждает военные изобретения как сеющие массовую смерть⁶, т.е. смотрит на войну почти как пацифист Нового времени.

Тема утрат, только «внутренних», связанных с традиционным пониманием «незапятнанности» социального облика дворянства, продолжается и в других диалогах. В них с укором припоминаются правители-аристократы, которые не брезгают ростовщицеством⁷, констатируется, что знатные девушки выходят замуж за не-дворян, за неровню.

Не менее жесткими в диалогах становятся критика рыцарской романтики и опровержение рыцарского героизма. Особенно ироничен Петрарка в тексте «О ретивом коне» (I,31). Ф. Контамин выявил, что титул графа, барона, баннарета обязывал иметь породистую лошадь⁸. Средневековые эпические поэмы превращают коня в дополнение героя; авторы знаменитой «Песни о Роланде» с равным восхищением описывают стати франкских и арабских коней. Примеры можно множить. Если же мы обратимся к названному выше диалогу «О ретивом коне» Петрарки, то в нем в центре оказывается анекдотический пример чрезмерного обожания коня, связанный с одним из современных гуманисту аристократов⁹. У того заболел конь, и аристократ, едва живой сам, навещал своего «друга», приказывал расстилать ему шелковые простыни и подушки, часами сидел рядом, что-то нашептывая коню на ухо.

Пожалуй, самому жесткому осуждению и осмеянию подвергаются усилия дворян в отстаивании их особых сословных занятий. Здесь особенно показателен диалог «Об охотничьих собаках» (I,32), на анализе которого мы остановимся специально. В нем беспощадно высмеивается охота, одно из самых привилегированных занятий «тех, кто воюет». В глазах *Разума*, персонажа диалога, охота – «пагубное занятие», «потеря времени», «признак праздности». Подобным образом лица, «негодные для достойных занятий», хотят «убить время»¹⁰. Такими словами *Разум* реагирует на романтическое заявление своего собеседника *Радости*, в данном случае олицетворяющего собой рыцаря, о том, что ему «нравятся собаки и порывы ветра». Петрарка, как кажется, с нескрываемым наслаждением словесно высек дворянина-охотника, а попутно и самых высокопоставленных любителей охоты – королей, «вся жизнь которых – охота». В глазах читателя

вырастает никчемный и полудикий персонаж, который тешит себя иллюзиями, ищет способ убить время, проводит за «охотничьими рассказами» пустые вечера.

Приведем лишь некоторые эпитеты, которыми Петрарка награждает героя диалога: «безумный», «лишенный перьев и крыльев», «беспользительный», «медлительный», «негодный для достойных занятий». Гуманист использует еще и прием «культурного зеркала», в который предлагает посмотреть своему персонажу. Он цитирует строфы из Горация о юноше, который свободен от наставника:

Мягче он воска к пороку,
Не слушает добрых советов,
Медлен в полезном
И горд,
И сорит расточительно деньги.

И заключает цитату словами: «Боюсь, что ты относишься к таким».

В диалоге отчетливо обозначается несоответствие современных дворян социальной роли предков. При помощи любимого приема – антитезы, Петрарка так характеризует их различия: «Те устрашали врагов, вы – птиц, те защищали в мирное время справедливость, вы это время тратите праздно». Ясно, что роль *настоящих* рыцарей виделась Петрарке в защите от врагов, в отстаивании справедливости, и он не находит среди современных ему представителей знатного сословия таких защитников. Собственно, как очевидно из последних реплик диалога, и для прошедших времен Петрарка не склонен объявлять войну «благородным» занятием.

Антидворянский настрой автора настолько силен, что он пускает в диалоге в ход даже один из главных гуманистических тезисов, почерпнутых из сочинений отцов церкви, который привлекался для доказательства достоинства человека. Назовем его «аргументом от Творца». «Вы, рожденные для *иного*, живете, проводя время в охоте, если это только можно назвать жизнью... И неужели это и есть все ваше умение?» Не слышим ли мы здесь голоса новой, деятельной эпохи, уже отказывающейся принимать дворянские ценности и символы, отказывающейся им в прежних «правах»? В свете этого особенно выразительными становятся стилистические средства, которыми описывается жизнь дворян: «убивают время», так и просится: «убивают самое жизнь».

К аргументу «от Творца» добавлен парный довод – «от природы»: они часто идут у Петрарки рядом. «Природа дала вам две руки», – начинаем читать фразу и сразу задумываемся, что в подтексте осталось: «*чтобы действовать, чтобы руками производить нечто полезное и важное*». Но вторая часть фразы полна иронии и разочарования: «Но одна рука у вас занята уздой, а другая – кривыми когтями птицы». Опять перед нами

всплывает образ бездельного охотника, рыскающего на лошади по полям с охотничьей же птицей на руке.

В первой части небольшого диалога высказано несколько серьезных этических тезисов. Одни из них – о «долге» человека. Укоряя дворян в бесплодной трате времени, Петрарка вопрошает: «Это что, та любовь, та благодарность, тот долг, который вы уплачиваете Творцу, кормилице-родине, родителям и друзьям?»¹¹ В коротком вопросе скрыто многое: тема долга как социально ответственного и направленного на благо других поведения личности, которая станет одной из основных в гражданском гуманизме XV в.; тема родины, указывающая на прорастание чувства нации; темы семьи (родителей), а не рода или линьяжа, которая тоже становится знаком нового времени и новых личностных ориентиров; к этому же добавляется, наконец, тема друзей, «размыкающая» горизонтальные связи корпоративно-сословного рыцарского «братства».

Диалог «сигналист» о проходящем веке дворянства многими способами, в том числе – убежденным мнением, что высокие дела не по плечу представителям знатного сословия: «От них удерживает вялость и неуверенность, спутница слабости». После этой общей реплики идут замечания, которые дают понять, что дворяне негодны для политики, для ученого уединения, для серьезных умственных занятий. А если мы вспомним, что гуманист из числа традиционно «достойных» в глазах дворянства занятий исключает войну, турниры, охоту, пиры, то получается, что в глазах Петрарки дворянство не может найти себя в меняющихся условиях жизни, оно словно бы сходит на обочину.

Наконец, около десяти диалогов обнаруживают непризнание Петраркой «мировоззренческих» оснований особого положения дворянства. Раз за разом он заявляет: древность «корней», т.е. происхождения, ничего не означает, разве что выставляет на свет и обнаруживает степень «вырождения» потомков; кровь всех людей одного цвета, и если одна светлее другой, то это от природы, а не от знатности (*non id nobilitas efficit, sed sanitas*)¹². Своего рода общим заключением могут служить слова в диалоге «Об охоте»: «Если они хотят добиться невест какой похвалы своему благородству, – говорит Разум, главный участник диалогов своему собеседнику Радости, – они ошибаются». Гуманисту нравится повторять, что Один есть Родитель и Творец всего и создал всех одинаковыми¹³.

Особый вопрос, занимавший гуманиста и нашедший яркое выражение в диалогах – об образе жизни знати, поведенческих стереотипах, воспитании, отношении к образованию. Иными словами к тому, что можно назвать «моделями жизни». Здесь, как уже частично было показано, Петрарка остается последовательно критичным. В особом диалоге «О роскошном образе жизни» (I,18) он осуждает «ничтожнейшие удовольствия», которым

предаются богатые и знатные лица в сочетании с «полной спесью бездельностью», «сонным бездействием»¹⁴. Десятки раз гуманист находит повод упрекнуть знать в недостойном поведении: чванливости, высокомерии, презрении к остальным и пр. В «мужском мире» указывает на беспробудное пьянство в военных лагерях, где «вина больше, чем в городе», рисует совершенно сатирические «картинки на охоте», как выше отмечалось.

Не однажды возвращается Петрарка к обсуждению поведения в разных жизненных ситуациях знатной женщины. В диалоге «О знатности жены», на счастливые заявления Радости вроде «Я взял знатную жену» Разум отвечает суровой отповедью, что знатность – «приданое», вместе с которым приходит «спесью высокомерие, властность, требование покорности и подчинения, коварство». Иначе, иронизирует он, перед нами «белая ворона»¹⁵. Многовековая знатность (*nobilitas*) не есть в глазах Петрарки одновременно свидетельство многовековой культуры, тем более – понимания значимости личности «самой по себе», а не по происхождению.

Мы можем усмотреть здесь одновременно и свидетельства размывания сословной замкнутости, и традиционно сохраняющихся стереотипов поведения знати. При этом и то, и другое становится объектом критической оценки Петрарки.

Один из особо задевающих его вопросов – отношение знати к чтению, образованию, учителям. В богатом на материал самого разного рода диалоге «Об охотничьих собаках» он насмешливо и одновременно не без горечи замечает, как бы бросая упрек всему дворянству через обращение во множественном числе: «Для вас слишком объемисты исторические сочинения Ливия, речи Цицерона и – совестно сказать – Священные книги»¹⁶. Гуманист не заблуждается насчет характера модного увлечения книгами представителей знатных семейств. В диалоге «О множестве книг» он пишет, что манускрипты рассматриваются как «сокровища», украшения вроде картин, что в домах знати книги «плачут», словно пленники в темнице¹⁷.

По наблюдениям Петрарки, дети в знатных семьях тоже нередко глухи к образованию и знаниям, в чем они копируют модели поведения родителей. В диалоге «Об ученике неспособном, но надменном», пронзительном по своему сочувствию к положению учителя, но суровому по отношению к богатому и знатному школяру, которого он называет «самонадеянным», «жестокосердным», «грубым», Петрарка заявляет, что высокомерие мешает в учебе. Между его персонажами – в данном случае *Печалью* и *Разумом* – происходит любопытный своими средневековыми деталями разговор. «*Печаль*. Я имею упрямого и надменного ученика. *Разум*. Надменность – враг ума; когда заносчивый ученик не считает нужным подчиняться и пренебрегает учёбой, он будет с досадой подставлять руку розгам, душу – науке, уши – наставлениям его, шею – хомуту»¹⁸. Заносчи-

вым ученика делает его происхождение; Петрарка осуждает подобное поведение и при этом упоминает о порядках в школе, при которых даже досадовать на наказание розгой ученик не мог.

Можно было бы привести еще немало материалов, которые дополнили бы и расцветили картину, но ее смыслы уже понятны. Гуманист, интеллектual переходной эпохи, не просто перестает признавать за дворянством право на особые социальные и сословные привилегии, занятия, особое место в общественной иерархии, но и развенчивает его жизненные предпочтения, ценностные и этические ориентиры как мало включенные в культуру, знание, как не требующие развития личности. Во всем этом Петрарка выглядит уже как человек новой эпохи и новой культуры.

Но остановившись на подобном заключении, мы бы упростили представление о самой переходной эпохе и о человеке в ней. Тот же Петрарка, столь искренне, горячо и по многим поводам протестующий против знатности, гордости старинным происхождением, не видит логического противоречия в таком, скажем, аргументе, который он не раз приводит в спорах о знатности: лучше основать род, чем быть выходцем из прежнего знатного рода. Получается, что он допускает «воспроизводство модели»? Подобное «воспроизводство» можно видеть и в его рассуждениях о «рабах», т.е. слугах, которые могут быть названы «ценным имуществом», неповиновение которых однозначно осуждается, а поведение рисуется карикатурно-сатирическими красками¹⁹. Их хозяевам (конечно, не обязательно дворянского статуса) высказывается сочувствие. Петрарка, правда, не считает, что «рабы» извечно и безысходно обречены нести свой крест, или что рабство – помеха добродетели, или даже, что раб не может стать другом («не думаю, что друзья рождаются из высшего сорта людей, а рабы из низшего»). Однако это не мешает не один раз напомнить слова апостола Павла: «Рабы во всем повинуйтесь господам вашим во плоти»²⁰.

Здесь можно указать еще на одну линию противоречий – между рассуждениями о равенстве людей по природе, которые подталкивают к соблазну выдвинуть тезис, что гуманист открывает раннее Новое время, а то и опережает его, и признанием социального неравенства и иерархий как явления, которое «было всегда». С этими же рассуждениями о равенстве по природе плохо «увязываются» его характеристики женщин и их гендерных ролей. Тема женщин – одна из главных в диалогах, им напрямую посвящено в двух книгах не менее 20 текстов²¹. Но женщины при этом выступают в текстах только как *объект*, т.е. о них говорят исключительно персонажи-мужчины. Почти половина из названных двадцати диалогов воспринимаются как антифеминистические по духу и настроению. Это бросается в глаза даже из названий «О надоедливой жене» (II, 19), «О развратной жене» (II, 21). Разум, персонаж диалогов, голос Петрарки,

с удовольствием пересказывает реальные и мифологические истории о неверных и развратных женах античности: в диалогах по разным поводам припоминаются Клеопатра, Олимпиада, Елена, Пасифая, Федра, Метелла, Юлия, Мессалина. Девиантное поведение, inferнальность, преступность нарочито рисуются не как исключение, а почти как норма.

Женщины в таких текстах по-средневековому «демонизируются»; по-средневековому же к ним рекомендуется применять силу, на них можно поднимать руку. Мужчинам советуется поменьше бывать дома, побольше в иных местах, оправляться в путешествия, паломничества и т.д. Модель рекомендуемого поведения мужчин укладывается в одну фразу: «Или молчи, или беги, или мсти»²².

Этот житейский консерватизм можно попытаться объяснить тем, что Петрарка, судя по всему, разделял повседневные ментальные патерналистские ориентиры мужчин-современников, которые имели много поводов для недовольства в виду перемен в гендерном поведении и гендерных ролях женщин, особенно в городе, порождаемых меняющимся временем. Петрарка «фиксирует», констатирует в диалогах непривычное, «мужское» поведение женщин, их активность, стремление играть главную роль в семье, желание присутствовать в публичном пространстве, но, в отличие от автора «Декамерона», не принимает эти новые реальности. На уровне повседневности он остается на позициях традиционной «маскулинности». Кстати, во всем огромном трактате нет ни одного диалога, который был бы посвящен анализу поведения мужчин; нет ни одного «зеркального» текста с названием «О надоедливом муже» или «О развратном муже». Лишь в одном-единственном фрагменте диалога «О развратной жене» мы вдруг слышим голос Петрарки-гуманиста: он ищет причины вольного поведения женщины и находит их в поведении мужей. Среди этих причины – «прелюбодеяния» самих мужчин. Разум заступается за попорченную честь женщины и напоминает о нравственном законе: «Одинаковый долг, равная любовь, равная ответственность»²³. Именно такое правило рекомендуется для восстановления или сохранения нормальных отношений.

Возможно заметить и еще одно противоречие: за пределами диалогов на женские темы трактата «О средствах», мы встретим имена приводимых в пример достойных, мужественных, целомудренных античных женщин (Лукреция – одна из них); за пределами этого сочинения Петрарка слагает великий гимн женщине в сонетах, потом – «Триумфах» и «Моей тайне». И не с его ли «легкой руки» занялся историями знаменитых женщин Боккаччо?

В сложном взаимодействии и переплетении новое и старое находится в отношении к образу жизни знати. В критике расточительства, пиров, траты денег на дорогие предметы «престижного потребления» и т. д. го-

лос Петрарки, на первый взгляд, сливается с голосами длинного ряда проповедников, традиционно осуждавших в его эпоху роскошь и непомерные траты. Однако при схожести тем и позиций быстро становится очевидно, что аргументация у гуманиста другая, примеры – тоже. В них на место святых и монахов встают римские полководцы, государственные деятели, писатели, ученые. Гуманист использует *язык* светских римских авторов, предпочитает говорить о пороках, а не о *грехах*. Скажем, тема чревоугодия вызывает у него коннотации не с семью *смертными* грехами, а с важностью благотворительности и помощи бедным.

Рыцарь оказывается вне рождающейся культуры и цивилизации. Вернувшись в последний раз к диалогу «О собаках» укажем, что там не только в подтексте, но и в самом тексте рыцарство оказывается словно бы отделено символической чертой от новой жизни. «И вот они, будучи негодными для достойных занятий, околачиваются в лесах. Они будут общаться с дикими животными, собаками и птицами, чего не делали бы, если бы не были связаны с ними каким-то сходством». Получается, что дворяне, если воспользоваться изысканиями Жака ле Гоффа, принадлежат к до-цивилизационному лесу, не только по роду развлечений, но и сущностным «сходством».

Наконец, стоит обозначить противоречия мировоззренческого и персонального («уровней») восприятия, весьма обычные для творческих личностей разных эпох. На уровне восприятия дворянства в целом, мировоззренчески, Петрарка последовательно антисословен и критичен, его текст социально острен, открывает концептуальную полемику нового времени. На уровне личных отношений, персональном, он дружен со многими знатными лицами. Так, он посвящает текст трактата «О средствах» правителю Пармы Аццо Корреджо, выходцу из знатного рода. Он состоит в дружественной переписке с правителем Падуи Франческо Каррара, германским императором, его супругой, папами, кардиналами. За «лесом» остаются отдельные «деревья», которым не отказывается в красоте, благородстве, образованности, общественной значимости и т. д. Уточним, это – область частных отношений. В том, что можно рассматривать как выражение публичной позиции – т. е. в письмах, диалогах, трактатах, инвективах, речах этих и подобных им персон нет, их имена среди примеров не называются.

Подведем некоторые итоги краткому рассмотрению. Знаки нового времени проступают у Петрарки особенно системно и отчетливо в отношении «тех, кто воюет». Трехчленная схема деления общества с ее определениями мест и функций для каждого из трех сословий (духовенство – дворянство – крестьянство/труженики), во времена гуманиста по-прежнему признаваемая и воспроизводимая авторами, им самим обходится абсолютно. Он нигде ни разу о ней не упоминает, а по сути дела – отрицает

иерархические ценностные установки. До Петрарки, в XI–XIII в., рыцарь находится в центре социальных связей. Именно такое место ему отводят все светские художественные и дидактические тексты. У гуманиста он оказывается на периферии, да еще и с отрицательным ореолом как «беспольный во всем». Петрарка последовательно обнаруживает полное несоответствие социальных претензий и реальной общественной роли дворянства (не забудем, что речь идет об Италии и ее социальном климате, во многом определяемом городами). Старые же символические знаки его социального престижа (замки, охота, турниры, кони, пиры, роскошные одежды) не признаются или развенчиваются.

Если подойти к оценке текстов и позиции Петрарки с гендерной стороны, то нельзя не отметить, что «концептуальная матрица» диалогов ориентирована на мужчину. Диалоги демонстрируют мужское понимание гендерных ролей как из одного видов социальных ролей. «Утешение» и советы имеют в виду лишь самочувствие мужчины и оказание ему моральной поддержки. Но есть ли это свидетельство старого? Не так ли будет долгое время обстоит дело и в литературе раннего нового времени?

И в заключение несколько слов о противоречиях *жанра*. Напомним, трактат написан как «утешение». На уровне утешительно-дидактическом Петрарка должен бы стремиться изменить умонастроения рыцарства, рекомендовать другие модели поведения, предлагать замену военным занятиям. Но такого почти не встретить. Есть жесткая и хлесткая *сатира*. Петрарку больше заботит читатель из другой среды – городской. Чувства и мысли этого читателя, его ментальные и социальные установки впитаны диалогами о знатности и дворянстве. Ориентация на новую социальную силу – горожан – один из главных показателей отхода от ценностей «социальной матрицы» средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Бобкова М. С. Формирование исторического знания в Западной Европе эпохи перехода от Средневековья к Новому времени. Дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИВИ РАН, 2010; Время в координатах истории. Тезисы международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2008.

² Wilkins E. H. Vita del Petrarca, Nuova edizione a cura di Luca Carlo Rossi. Milano, 2003. Pp. XXVI e 333; Dotti U. Vita di Petrarca. Roma; Bari, 1987; Dotti U. Le prospettive storico-politiche di Petrarca nella crisi del Trecento (Cola di Rienzo – l'impero – il Principe) // Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna. Atti del XVI Convegno internazionale (Chianciano-Pienza, 19–22 luglio 2004). Firenze, 2006; Dotti U. Petrarca a Parma. Reggio Emilia, 2006.

³ Karlheinz S. Francesco Petrarca. Ein Intellektueller im Europa des 14. Jahrhunderts. München – Wien, 2003; Karlheinz S. La vita e i tempi di Petrarca. Alle origini della moderna coscienza europea. Venezia, 2007.

⁴ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, libri duo* (далее: *De remediis*). Трактат изучался по изданию: *Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol.1–2.* Это прекрасное научное издание представляет собой воспроизведение латинского текста сочинения, его перевод на французский язык, снабженный обширным комментарием, вступительными разделами и указателями.

⁵ См.: *Petrarca Fr. De remediis*. I, 14–19, 31–35, 48, 76, 97–99; II, 5–6, 10, 29–30, 33–39, 41, 70, 77, 79–82. Римская цифра здесь и далее означает книгу, арабская – номер диалога.

⁶ См. особенно: *Petrarca Fr. De remediis*, I, 99 «*De machinis et balistis*» («Об осадных машинах и баллистах») // *Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol.1. P. 436–438.*

⁷ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 56 «*De fenore*». P. 272–274.

⁸ См.: *Контамин Ф. Война в средние века*. СПб, 2001. С. 143 и др.

⁹ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 31 «*De equo agili*». P. 156–160. Диалог переведен на русский язык. См.: *Петрарка Ф. Диалоги о животных* (трактат «О средствах против превратностей судьбы», кн. I) / Пер. с лат., коммент., указат. Л. М. Лукьяновой // *Средневековый город*. Саратов, 2009. С. 213–216.

¹⁰ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 32 «*De venatu et aucupio*». P. 160–164.

¹¹ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 32 «*De venatu et aucupio*». P. 162.

¹² *Petrarca Fr. De remediis*, I, 16. «*De origine generosa*». P. 80.

¹³ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 16. «*De origine generosa*». P. 82.

¹⁴ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 18 «*De lauto victu*». P. 88–94.

¹⁵ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 65 «*De coniugii claritate*». P. 306–310.

¹⁶ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 32. «*De venatu et aucupio*» P. 162.

¹⁷ *Petrarca Fr. De remediis*, I, 43 «*De librorum copia*». P. 224.

¹⁸ *Petrarca Fr. De remediis*, II, 41 «*De discipulo indocili ac superbo*». P. 738.

¹⁹ *Petrarca Fr. De remediis*, II, 29 «*De servis malis*»; II, 30 «*De servis fugitivis*». P. 696–704.

²⁰ *Petrarca Fr. De remediis*, II, 7 «*De servitute*». P. 584.

²¹ *Petrarca Fr. De remediis*, II, 24, 30, 65–69, 72, 74, 76, 83–84; II, 18–24, 128.

²² *Petrarca Fr. De remediis*, II, 21 «*De uxore impudica*». P. 664.

²³ *Petrarca Fr. De remediis*, II, 21 P. 660.

Е. В. Алексеева

ЗАПАДНЫЕ ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЯХ: КОНСТАНТЫ И ВАРИАТИВНОСТЬ*

Рассматривая проблему привнесения, восприятия и адаптации западных элементов в ходе российских модернизаций, необходимо остановиться на трех взаимосвязанных аспектах. Первый из них соотносится с *феноменом переходности*. Переходные состояния возникают в обществе, как

* Статья подготовлена в рамках Программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ, проект № НШ-5236.2010.6.